

Тот, кому выпало счастье принять бой первым, без дальнейших проволочек явился на арену, подготовленную для боя, где под звуки рога его поджидал противник. Бойцы взялись за дело, бой начался жарко, но вскоре тот, кому выпало первым из троицы сразиться, первым же и отправился на тот свет, упав навзничь с пробитым горлом.

Это, однако, ничуть не смутило двух оставшихся, и на следующий день на бой вслед за первым вышел второй — и выступил с тем же успехом, получив смертельный укол в сердце.

Тем не менее, третий все так же рвался в бой, как и два дня назад, и на следующий день он, собравшись с духом, смело вошел на арену и какое-то время искусно и энергично сражался, но в итоге ему повезло не больше, чем двум предыдущим бойцам, — он пропустил удар в живот и в течение двадцати четырех часов испустил дух. Как можно себе представить, эти бои представляли собой прискорбное зрелище для герцога Мантуа и всего города. Победоносный вояка, гордясь столь прибыльными как для его репутации, так и для кошелька победами, целых две недели триумфально расхаживал по улицам Мантуа, не встречая никакого сопротивления. Когда о происходящем узнал неизменно Восхитительный Криштон, только что прибывший ко двору Мантуа (впрочем, он был как раз отсюда), он не мог ни есть ни пить, пока не послал пришельцу вызов, чтобы смыть позор трусости, павший на дворян Мантуа. В вызове заезжему чемпиону предлагалось явиться на все ту же арену, где он убил уже троих, к девяти утра следующего дня и сразиться с Криштоном перед лицом всего двора Мантуа. Кроме того, в вызове говорилось, что есть при дворе Мантуа люди не менее храбрые, чем итальянец, и что для пущего задора Криштон добавляет к объявленной сумме в пять сотен пистолей еще тысячу, ожидая того же и от гостя, чтобы победителю достался действительно стоящий приз. Вызов мгновенно принят, и в оговоренное время оба дуэлянта уже на месте, каждый выдает по пятнадцать сотен пистолей и выбирает себе по одной рапире из двух предложенных — одинаковой длины, веса и качества. По сигналу, которым послужил выстрел из большой пушки, бойцы, словно два льва, набросились друг на друга на глазах у герцога, герцогини, благородных господ и дам, вельмож и всех достойных мужчин, женщин и девушек города. Храбрый Криштон, сойдясь с противником, сначала ушел в оборону, стремясь скорее измотать соперника. Столь искусно и ловко он отражал удары и корпусом уходил от серьезных ударов, не обращая внимания на финты, что казалось, что он просто играет с противником, а тот нападает всерьез. Спокойствие, которое Криштон сохранял в пылу боя, как молния, озаряло сердца зрителей и делало его предметом любви всех итальянок; ярость же второго бойца, ставшего похожим на раненого медведя, способна была вселить страх в волков и испугать даже английского мастифа.

Оба бойца были в одних рубашках и внешне казались находящимися в совершенно равных условиях, но, когда итальянец удваивал усилия в яростном броске, у него на губах выступала пена, а дыхание становилось хриплым; шотландец же, сдерживая натиск, спокойно срывал все планы нападающего. Тот заставлял соперника работать то примамми, то секундами, менять защиту терциями на защиту квартами, парируя удары то высоко, то низко, и выгибал тело, как только можно, в поиске уязвимых мест в обороне рыцаря — но все тщетно. Неодолимый Криштон, перед которым была бессильна любая хитрость, отражал все атаки и с невероятной ловкостью как в парировании, так и в перемещениях разрушал все замыслы противника. Только теперь в голову непобедимого доселе итальянца начала закрадываться мысль о том, что кто-то может превзойти и его. Несравненный же Криштон решил, что пора положить сокрушительный конец затянувшемуся поединку, чтобы не обмануть ожиданий дам и надежд герцога. Он просто перевоплотился, обернувшись из защищающегося в нападающего, и совершил, в защиту чести герцогской семьи и в воздаяние за кровь троих убитых здесь ранее, следующее: провел длинную стоккаду *de pied ferme*; отскочил и нанес еще один удар, на долю секунды зафиксировав клинок в теле соперника; и наконец, сделал последний шаг назад и, резко стартовав с правой ноги, вогнал рапиру в живот итальянца, горло и сердце которого уже были пробиты предыдущими двумя ударами. Таким образом он отместил за трех вышеупомянутых господ, которые были убиты тремя такими же ударами. Итальянец, чувствуя, как жизнь покидает его вместе с вытекающей